

Сташевский Евгений Дмитриевич

**К истории колонизации Юга:
Великий боярин Иван Никитич
Романов и его слободы в Елецком
Уезде**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Дмитриевич С.**
К истории колонизации Юга: Великий боярин Иван Никитич Романов и его слободы в Елецком Уезде / Сташевский Евгений Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 98 с.

ISBN 978-5-519-75401-9

С приложением документов сыского дела по челобитью ельчан на обиды и насилия со стороны людей боярина И.Н. Романова, хранящихся в Архивах

ISBN 978-5-519-75401-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

пыткой въ самыхъ общихъ чертахъ выяснить колонизаторскую дѣятельность великаго боярина, дѣятельность, на которой также отразилось его положеніе сильнаго человека.

Центромъ хозяйственныхъ предпріятій Ивана Никитича было с. Спасское Калужскаго уѣзда. Спасское— богатое, промышленное село. Крестьяне его, повидимому, на капиталъ своего боярина, занимались торговлей, промыслами, принимали дѣятельное участіе въ откупахъ. Насколько была велика зажиточность этой „боярщины“ видно изъ того, что въ сборъ пятины 142 года отдѣльные крестьяне с. Спасскаго были обложены пятиннымъ окладомъ отъ 800 р.¹⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ с. Спасское являлось административнымъ центромъ по управленію тѣми имѣніями Ивана Никитича, которыя были расположены вокругъ Калужскаго уѣзда. Изъ этого же села направлялась и колонизаторская дѣятельность бояръ Романовыхъ. Основаніе „боярщинъ“ Романовыхъ на дикомъ полѣ юга началось еще при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и царѣ Борисѣ, когда Александръ и Василій Никитичи приобрѣли здѣсь урочища и ухожен. Къ этому же времени, повидимому, относится основаніе въ Лебединскомъ уѣздѣ с. Романова Городища, которому пришлось сыграть большую роль въ дальнѣйшемъ движеніи бояръ Романовыхъ на югѣ, вглубь дикаго

¹⁾ Дворц. Арх. 142 г. № 214, л. л. 225—227. Всего съ с. Спасскаго было взято пятины 1600 р. 16 а., тогда какъ съ остальнаго уѣзда пятинныхъ денегъ было собрано 607 р. 33 а., а съ Калужскаго посада—2106 р. 6 а. 4 д. *ibid.* № 233, л. л. 15—17. Наша работа: „Пятина 142 года и торгово-промышленные центры Московскаго государства“. Ж. М. Н. Пр., 1912 г., апрѣль стр. 290, май стр. 87.

поля. Но своего развитія колонизаторская дѣятельность бояръ Романовыхъ достигла лишь въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, когда руководить ею сталъ Иванъ Никитичъ. Именно, при немъ изъ Романова Городища въ большомъ количествѣ потянулись выселки по всему Лебедянскому, Елецкому, Рязскому, и, можетъ быть, Воронежскому уѣздамъ; рядомъ съ этимъ шло основаніе боярскихъ поселеній въ Мошцовскомъ, Масальскомъ и другихъ уѣздахъ, послѣднее направлялось и питалось с. Спасскимъ. Изъ массы документовъ видно это тяготѣніе великаго боярина къ югу. Дикое поле привлекало особенное вниманіе Ивана Никитича, и смѣло можно сказать, что изъ крупныхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ, во всякомъ случаѣ главнымъ колонизаторомъ юга.

Въ то время, къ которому относится издаваемый документъ, т. е. въ 136-мъ году, Иванъ Никитичъ закладывалъ и селилъ новыя слободы въ Елецкомъ уѣздѣ, „въ Запольномъ и подъ Стрыговымъ и подъ Тешевымъ лѣсомъ и въ иныхъ во многихъ мѣстехъ“. Челобитная ельчанъ „всякихъ чиновъ людей“ въ яркихъ краскахъ изображаетъ тѣ приемы и способы, къ которымъ прибѣгалъ сильный бояринъ при основаніи новыхъ слободъ. Во первыхъ, новыя слободы основывались не только на свободныхъ, но и уже занятыхъ, чужихъ земляхъ, захваченныхъ у монастыря Пречистой Богородицы и у ельчанъ дѣтей боярскихъ, помѣстныхъ атамановъ и т. д., т. е. на чужихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Во вторыхъ, новыя слободы заселялись чужими крестьянами: „приѣзжаютъ, государи, изъ съ тое его вотчины села Романова Городища и изъ деревень въ елецкой уѣздъ люди его и крестьяниа чловѣкъ по со-

року и по пятидесять и больше въ наши помѣстницы днемъ и ночью, насъ холопей вашихъ бьютъ и грабятъ, жонъ и дочерей позорятъ, и изъ денегъ и изъ платья пытаются, и изъ за насъ, холопей вашихъ, и изъ за монастырей крестьянъ и бобылей вывозятъ насильствомъ... Во всемъ слетикомъ уѣзде не осталось за нами холопи вашими крестьянъ и бобылей третьсва жеребья, вывезли въ его боярскою вотчину и въ новыя слободы". Дѣйствительно, изъ поданной ельчанами росписи видно, что изъ-за однихъ дѣтей боярскихъ и изъ-за помѣстныхъ казаковъ было вывезено 188 чл. крестьянъ, 4 жонки и 2 дѣвки (л. 359). Вывозъ былъ хорошо организованъ. Изъ просмотра росписи вывезеннымъ не трудно убѣдиться, что вывозомъ завѣдывали въ большинствѣ случаевъ одни и тѣже лица, въ большинствѣ случаевъ тотъ или другой изъ крестьянъ Ивана Никитича. Значить были спеціалисты-организаторы по вывозу. Такіе спеціалисты становились во главѣ шайки человекъ въ 30, 40 и больше, налетали на намѣченное помѣстье, грабили, жгли, и при такой обстановкѣ захватывали и уводили крестьянъ вмѣстѣ съ ихъ семьями и „животы". Прикащикъ самъ не принималъ, по видимому, непосредственнаго участія въ грабежѣ и вывозѣ, но онъ направлялъ походъ и дѣятельность шайки. Вотъ какъ описанъ, напр., вывозъ крестьянъ изъ-за Гр. Шуринова: въ 136-мъ году на четвертой недѣлѣ Великаго Поста въ субботу, пріѣзжалъ изъ с. Романова Городища приказной человекъ Кондратій Кулигинъ съ крестьянами на Елецъ, и послалъ тѣхъ крестьянъ въ помѣстье Шуринова, и они помѣстье разорили и вывезли 30 чл. крестьянъ съ женами и съ дѣтьми, 1 дворового человека, 1 дворовую жепку, да

пограбили „живота“: 1 жеребца, 7 кобылъ, 2 коней, 3 жеребятъ, 3 топора корельскихъ, 4 косы, 8 серповъ, 2 сѣдла съ войлоки, 17 подставокъ вина, „а прикащикъ дожидался ихъ на Ельцѣ“.

Рядомъ съ вывозомъ существовалъ отказъ. Отказъ—это добровольная ликвидація крестьянскихъ отношеній къ старому помѣщику, сопряженная обычно съ переходомъ отказавшихся на жительство къ другому помѣщику. Сыно боярскій Иванъ Колшаковъ въ обыскѣ сказалъ: слышалъ, онъ что въ 136-мъ году о Троицнѣ днѣ „отказались крестьяне отъ Филипа Тюнина за боярпна И. Н. Романова..., и которые де крестьяне не похотѣли итти изъ-за Филипа, и тѣхъ де боярские люди и крестьяне выпезли изъ за Филипа сильна“ (л. 188). Лебедянской пушкаръ Алимпейка Хныкинъ даетъ болѣе точное описаніе такого отказа. Хныкинъ въ обыскѣ сказалъ: „въ прошломъ во 136-мъ году передъ Троицынымъ днемъ былъ я въ вотчинѣ боярина Ивана Никитича Романова въ селѣ Романове Городищи по присылке того села приказщика Кондратѣя Филипова для того, была за мною того ж села Романова Городища крестьянина Гришки Побежимова записъ, і велѣлъ мнѣ прикащикъ Кондратеи съ тою записью быті къ себѣ на Романово Городища, і какъ я съ тою записью на Романова Городища приѣхалъ, и слышалъ я отъ приказника отъ Кондратѣя и отъ боярскихъ крестьянъ, что пришли въ вотчину боярина Ивана Никитича изъ Елецкого уѣзду изъ за ельчанина изъ за Филипа Тюнина крестьяне и принесли съ собою записъ, какову на себя записъ далъ тѣмъ крестьяномъ Филиппъ Тюнинъ, и тою записъ при немъ Алимпейке приказникъ Кондратеи чолъ вслухъ, і въ той записи

слышеть я Алимпейко написано: житі крестьяномъ за Оилипомъ урошныя лѣта, и буде кому крестьяномъ за Оилипомъ Тюнинымъ, отжівъ урошныя лѣта, не поживетца, и имъ язъ за Оилипа вольно итти гдѣ похотятъ. И ту запись у меня у Олимпейка боярина Івана Никитича приказчикъ взялъ тутожъ къ себѣ, а сколько крестьянъ въ записи числомъ по имяномъ написано, тово я Алимпейко не помню“. (л. 186).

Такимъ образомъ, изъ этого описанія крестьянскаго отказа видимъ, что отказъ носитъ вполнѣ легальныя формы. Крестьяне порядились за Тюнина, обизавшись жить за нимъ „урошныя лѣта“, отживъ „урошныя лѣта“, они, по соглашенію съ помѣщикомъ при порядѣ, имѣли право, если хотѣли, „итти, гдѣ похотятъ“. Можно думать, что въ приведенномъ случаѣ пришедшіе въ вотчину Івана Никитича крестьяне Тюнина пришли за боярина послѣ того, какъ отжили „урошныя лѣта“ у стараго помѣщика. Такимъ образомъ, въ это время существовалъ еще порядокъ крестьянскаго перехода, хотя и сильно ограниченный. Эта свобода перехода обезпечивалась, повидимому, особымъ соглашеніемъ, особой записью, которую выдавалъ на себя помѣщикъ своимъ крестьянамъ новопорядкамъ. Есть указанія, что такой порядокъ, и особенно на югѣ, былъ явленіемъ довольно распространеннымъ. И это весьма понятно. Край заселялся, рабочія руки были крайне необходимы и цѣнились дорого. При такихъ обстоятельствахъ крестьянинъ, естественно, могъ выговорить при порядѣ возможно лучшія условія для себя. Здѣсь мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько запись, выданная помѣщикомъ своему крестьянину, гарантировала свободу крестьянскаго перехода, или вопросъ

о томъ, насколько задолженность крестьянъ могла идти вразрѣзъ съ записью. Но нельзя не обратить вниманія на то, что помѣщикъ, выдавая на себя записъ, естественно могъ желать и желалъ, чтобы крестьянинъ не воспользовался предоставленнымъ ему записью правомъ,—отживъ урочныя лѣта, „итти вольна“, гдѣ похочетъ. Онъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы крестьянамъ за нимъ „пожилось“.

Въ другомъ мѣстѣ мы стараемся доказать, что въ XVII в. въ это время уже выработалась указная норма старожильства, и крестьянинъ, прожившій за помѣщикомъ извѣстное количество лѣтъ, считался застарѣвшимъ, т. е. крѣпкимъ землѣ. Разъ это такъ, то крестьянинъ не воспользовавшійся записью, оставшійся жить за помѣщикомъ послѣ урочныхъ лѣтъ, вступалъ на дорогу старожильства. Въ числѣ мѣръ, къ которымъ долженъ былъ прибѣгать помѣщикъ, чтобы крестьянамъ его за нимъ „пожилось“, естественно, мы должны ожидать и лучшаго обращенія съ крестьянами; рачительный хозяинъ едва-ли при такомъ положеніи вещей сталъ бы обременять своихъ крестьянъ излишней работою, тяжелыми повинностями и т. д.

Таково было право отказа. Оно не публичнаго, а частно—правового происхожденія, ибо оно обусловливается особымъ соглашеніемъ, записью. Для крестьянъ это право—послѣдняя гарантія ихъ свободы, для мелкихъ помѣщиковъ—печальная и хлопотливая необходимость. Едва-ла постоянная забота о томъ, чтобы крестьянину за помѣщикомъ пожилось, и чтобы, слѣдовательно, онъ не воспользовался правомъ отказа, могла улыбаться мелкому помѣщику, и, потому, онъ долженъ былъ добиваться указнаго прикрѣпленія крестьянъ. Въ

совершенно иномъ отношеніи къ праву отказа стоять крупный землевладѣлецъ, бояринъ. Право отказа было выгодно для него. По отношенію къ крестьянамъ такого боярина право отказа едва-ли имѣло широкое приложеніе, для этого бояринъ располагалъ всѣми средствами, вплоть до насилія, чтобы не допустить крестьянъ выходить изъ его боярщины. Существованіе же такого права у крестьянъ мелкихъ помѣщиковъ давало возможность боярину перезывать этихъ крестьянъ къ себѣ. Причемъ, при такомъ перезываніи часто измѣнялась сама форма и характеръ отказа. Изъ добровольнаго, по желанію самихъ крестьянъ, онъ превращался въ принудительный.

Въ приведенномъ выше случаѣ, пѣкоторые изъ крестьянъ Тюпина „отказались отъ Оилипа Тюпина за боярина И. Н. Романова“, а которые крестьяне „не похотѣли итти изъ за Оилипа, и тѣхъ де боярские люди и крестьяне вывели изъ за Оилипа сильна“. Здѣсь отказъ превращается въ насильственный, помимо желанія самихъ крестьянъ, сюзъ. Но гораздо чаще крестьяне мелкихъ помѣщиковъ сами отказывались и переходили за сильнаго боярина.

Къ этому ихъ побуждали часто не притѣсненія со стороны старыхъ помѣщиковъ, интересъ которыхъ былъ въ разгонѣ, а въ привлеченіи крестьянъ и удержаніи ихъ за собой, а факты совершенно другого порядка.

Лебедянцы дѣти боярскіе Аврамъ Овсянниковъ, Степанъ Денисовъ, Антонъ Олехинъ, Маркъ Кадунинъ, Алферъ Шуваевъ, Потапъ Медвѣдевъ, Ермакъ Чаплыгинъ сказали въ обыскѣ: въ 136-мъ году шелъ съ Ельца сынъ боярскій Свиридъ Заборовскій съ братомъ

и сыномъ за Данковъ, и ночевали у Деписа Шуваева, „а сшелся съ нимъ на улицы въ селѣ на Рокитнѣ, и онъ де намъ сказывалъ: помѣстье де у меня на Ельцѣ на рѣчки на Рѣпцѣ, а подошли блиска новыя слободы боярина Ивана Никитича Романова, и крестьяне ево Свиридовы ему Свириду отказали, „прожить де за тобою не мочно“, і вышли за боярина за Ивана Никитича, а крестьянъ ево 7 члвкъ, „а я де Свиридъ зъ братомъ и сыномъ иду въ Данковъ такъжѣ мѣста себѣ искать, а на Ельцѣ де мнѣ прожить не мочно“ (л. 188). Здѣсь крестьяне отказываются отъ стараго помѣщика и переходятъ за боярина, потому что къ помѣстью помѣщика близко подошли новыя слободы боярина, и отъ того за помѣщикомъ „прожить стало не мочно“. Какъ отражалась близость боярскихъ слободъ на участи владѣльцевъ помѣстій или вотчинъ, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ челобитной ельчанъ „всякихъ чиновъ людей“. „Да отъ тѣхъ же, гоусудари, крестьянъ (крестьянъ Ивана Никитича) ни проитить, ни проѣхать ни въ которой городъ, ни посадцкимъ людемъ съ товары не мочно проѣхать по дорогамъ, и изъ деревни въ деревню, ни въ городъ для нужи отнюдь проѣхать не мочно: по дорогамъ грабятъ и побиваютъ. Подошли, государи, тѣ новыя слободы, которыя поселилися въ Елецкомъ уѣзде въ нашихъ дачахъ, отъ насъ, холопей нашихъ, верстахъ въ двухъ..., и отъ тѣхъ его новыхъ слободъ, которыя на нашихъ помѣстьехъ поселилися, и вашу государскою вотчину Елецкой уѣздъ разорили многія села и деревни безъ остатку, села и деревни жгутъ, п хлѣбъ въ гумнахъ стоячей зажигаютъ, и по полемъ хлѣбъ, приезжаючи, насильствомъ жнутъ, и лошади и коровы по полемъ и по деревнямъ отнимаютъ насиль-

ствомъ же.... Да у насъ же холопей вашихъ, которыя остались за нами холопи вашими крестьяня и бобыли, и у тѣхъ у нашихъ у крестьянъ и у бобылей, приезжаючи, Ивана Никитича крестьяня отнимають насильствомъ дочерей, и женъ отъ живыхъ мужей отдаютъ въ его боярской вотчине замужъ за иныхъ мужей; а воеводы ваши государевы на Ельцѣ, что ни дурна Ивана Никитича люди и крестьяня творять, и онѣ противъ ихъ дурости молчатъ, никакова наказанья надъ ними учинить не смѣютъ, а какова приведемъ Ивана Никитича крестьянина, поймавъ на воровствѣ, и онѣ въ тюрьму посадить не смѣютъ, а къ вамъ государемъ о томъ нашемъ разореньи не пишутъ“.

При наличности такихъ порядковъ, какія бы старанія ни прилагали помѣщики къ тому, чтобы крестьянамъ ихъ за ними „пожилось“, все равно эти старанія оставались тщетными, и крестьяне ихъ, чтобы избавиться отъ непрерывныхъ разбоевъ и насильствъ, волей не волей должны были отказывать своимъ помѣщикамъ и переходить за великаго боярина, за которымъ жить было безопасно. Такъ поступали ни одни только крестьяне, но и сами владѣльцы помѣстій, дѣти боярскіе. „А которыя наша братья дѣти боярскія разорены отъ крестьянъ Ивана Никитича, и тѣ дѣти боярскіе пошли жить въ ево боярскую вотчину, а иныхъ наша братья отъ ихъ же разоренья и насильства пошли розно“. И любопытно, что такіе выходцы за боярина, крестьяне и дѣти боярскіе, только что терпѣвшіе отъ насильства людей и крестьянъ Ивана Никитича, перейдя за него, сейчасъ же становились въ ряды разорителей своей бывшей братьи. Въ 136-мъ году, читаемъ въ обыскахъ, „вышелъ въ вотчину боя-

рина Івана Никитича Ромапова ельченинь сынъ боярской Романъ Щетининъ и съ своими крестьяны съ 2 чел. для воровства, а государю служить не захотѣлъ, и, приѣзжаячи къ своему дворишку изъ потчины, хвалитца разбоемъ и пожегою и всякими дѣлы“ (л. 262).

Такъ, систематически поставленнымъ разбоемъ сильный человѣкъ могъ, подрывая благосостояніе чужихъ крестьянъ, вынудить послѣднихъ отказываться отъ старыхъ помѣщиковъ и переходить за себя. Потому, право отказа было выгодно для сильного человѣка, для крестьянъ оно теряло смыслъ, такъ какъ переставало быть добровольнымъ, а для мелкихъ помѣщиковъ представлялось такимъ зломъ, которое въ корень подрывало ихъ благосостояніе. Изъ этого положенія было два выхода, одинъ мало исполнимый, о которомъ били челомъ ельчане,—отвести отъ нихъ слободы великаго боярина, т. е. избавить ихъ отъ сосѣдства съ сильнымъ человѣкомъ, другой болѣе удачный—прикрѣпить крестьянъ къ землѣ.

Кромѣ вывоза и отказа чужихъ крестьянъ Иванъ Никитичъ при заселеніи новыхъ слободъ прибѣгалъ еще и къ другимъ мѣрамъ. Такъ, изъ обысковъ мы знаемъ, что крестьяне чужихъ помѣщиковъ закладывались за Ивана Никитича. Попъ Григорей Сербилова стана села Теплинскаго сказалъ: „боярина Івана Никитича Романова люди и крестьяне изъ за ельчанъ изъ за детей боярскихъ крестьянъ вывозятъ, хто де заложитца, того де і возьмутъ“ (л. 135).

Закладывались какъ указано выше, не только крестьяне, но и дѣти боярскіе.

Всѣми указанными способами заселеніе боярскихъ